

Твори! Невидимые цитры
Борят твой дух, как луч зарю.
Любуясь радугой палитры,
Забудь о мраке и твори!
Игорь Северянин. Художники

ЗАБЫТЫЙ ГЕНИЙ

Картины А. Савинова
в Музее русского импрессионизма

ОХ УЖ ЭТА ИСТОРИЯ искусства! Случается, что творческая личность была когда-то востребована, а теперь никто не вспоминает фамилию того, кто приглашался в богатые хоромы и писал миллионеров. Бывает и так, что умерший в бедности, никем не признанный автор вдруг резко "выстреливает" после смерти. Нужна ли артисту (в широком смысле этого слова — от art) посмертная слава? Сей вопрос риторический: для творца гораздо лучше быть любимым публики при жизни. Что же касается зрителей, то наши вкусы изменчивы и подвержены влиянию.

Коллективная память о художнике, поэте, драматурге или композиторе вообще не избирательна, ибо нам только кажется, что мы деловито отсеиваем шлак и оставляем лучшее. На всё — мода, в том числе на живопись, музыку, слово. Шедевр — понятие, мало связанное с гармонией. Учебники искусствоведения полны "детективными" рассказами о том, как старинное произведение N вдруг оказалось найдено, очищено от пыли и — явление восхищённой публике. А до этого оно где-то валялось или торчало в запасниках.

Или вообще фразировало, как, допустим, "Неизвестная" Ивана Крамского, в которой современники видели изображение куртизаны. Павел Третьков отказался покупать сомнительную вещь, и она, пройдя все круги ада, очутилась в собрании предпринимателя Павла Харитоненко. Уже после революции его коллекция была национализирована и отдана в Третьяковку — вместе с опальной "Неизвестной".

Почему я остановился на этом эпизоде? Затем чтобы проиллюстрировать всю относительность затверженных понятий в мире искусств? Всё сложнее. Портрет упомянутого Павла Харитоненко — один из центральных экспонатов на уникальной выставке "Александр Савинов. Миражи", что ныне проходит в Музее русского импрессионизма. Большинство имя автора ни о чём не говорит, хотя его картины часто размещаются в сорных экспозициях.

Александр Савинов был одним из ведущих живописцев отечественного ар-нуво, и тот факт, что сам Харитоненко, богатейший сахарозаводчик Европы, меценат и человек большого ума, дружил с ним, говорит, пожалуй, о многом. Коллеги называли художника "умиротворённым Врубелем", подчёркивая, что есть общее в технике, но излучаемые энергии строго противоположны. Между тем, Врубель на слуху и почитается великим, а Савинов? Конечно, можно заняться теоретизированием и доказать, что "певец Демона" — титан, а Савинов — умелый ремесленник, но повторю: мнение о гениальности "арта" в 99 случаях из 100 лишено объективности.

Музей русского импрессионизма уже не впервые "открывает" забытых виртуозов — Николая Фешина с Павлом Беньковым, этих друзей-соперников, или, скажем, Сергея Виноградова.

На очереди Александр Иванович Савинов (1881–1942) — сын купца, он тем не менее производил впечатлительные классического интеллигента "из благородных". Сдержанные манеры и жесты, изысканная простота речи, тонкое лицо — ничто не указывало на его родство с нордовитой, двужильной породой волжских лесоторговцев. Место рождения — город Саратов, большой и потрясающе цельный, но столь нарочито-провинциальный во все века, что в "Горе от ума" название выкрикивалось как приговор: "В деревню... в глушь, в Саратов!"

Борис Пильняк, один из племянников Савинова, очертил то замечательное место: "Там, на Волге, — каждую весну буйничали Волга, водры, сирени. Дом стоял на взвозе, и внизу, под забойкой буйничала человечья толпа, в пудах, штуках, токах, в визге свистулек, в зное небес, облитых лазурью, как свистульки". Хоть и "глушь" со свистулками, но именно саратовская земля дала миру и Кузьму Петрова-Водкина, и Виктора Борисова-Мусатова, и, как выяснилось, Александра Савинова — корифея русского модерна. Вот "Окно" (1909 г.) — скромная и очень тёплая вещь, несмотря на бледность красок. Это — Саратов, город детства, приходящий во снах. Картина была написана во время краткого визита — между столичными разъездами и путешествиями в Италию. Однако мы забежали вперёд: всё это будет, но там, в туманно-прекрасном будущем, а пока — штудии.

Талантливый парня ждал поезд в Петербург, к лучшим наставникам. Тогда образованные купеческие дети массово ехали учиться ваянию, живописи, зодчеству — тут и Вера Мухина, и братья Веснины, и казанская художница-меценатка Надежда Сапожникова — муза Николая Фешина, и многие иные. Савинов избрал для себя Высшее художественное училище при Императорской Академии

художеств, что было и правильно, и... не вполне, потому что на тот момент Петербургская Академия слыла этаким оплотом застывшего классицизма. Уже в 1932 году Савинов напишет о своей альма-матер нелиценные строки: "Объектаемая взбаламученным искусством разнообразных позднейших формаций, живым в своей анархии и поиске утраченных культурных основ, политически черносотенная, враждебная ко всему новому и, в свою очередь, презираемая нарождающимся обществом придворная Академия".

На его автопортрете 1902 года мы видим типового чеховского "искателя истин". В этой работе ещё нет ничего личного, своего — почерк уже твёрдый, но не сформированный. Студенту всего 21 год, но хочет выглядеть старше. Он серьёзен и настойчив. Он учится у Дмитрия Кардовского — одного из тех, кого академическое начальство терпеть не могло за "репинщину", но всё же терпело как великопленного ментора и отменного рисовальщика. Савинов с золотой медалью завершает курс наук и тут же становится участником выставок. О нём заговорили — так, его хвалил сам Илья Репин.

У Савинова появляется, точнее, выкристаллизовывается своя манера, действительно похожая на врубелевскую — этот прозрачный, тревожащий символизм, полутона, розы на фоне камня. Есть что-то и от Борисова-Мусатова с его прекрасными дамами в романтической обстановке. Вторичность? О, нет. Живопись — это не только техника, но и ощущения. Те самые миражи, что вынесены в название выставки. Борисов-Мусатов и Врубель — в миноре, а Савинов — чаще всего мажорный. Он отрицал мрак, с которым в Серебряном веке было модно заигрывать. "Девушка и парус" (1906 г.) — это ожидание счастья. Это — обещание будущего, и даже унылый забор не мешает грёзам. "Женщина в пёстром платке" (1900-е гг.) — словно тайные мечты о неведомых странах и большой любви, какой не бывает в реальности.

У Савинова — изумительные фемини. И символическая "Женщина с фиалином" (1907 г.), напоминающая мифологические образы, и "Портрет дамы" (1900-е гг.) с причёской а-ля Клео де Мерод, когда волосы разделены на прямую пробор, уши закрыты и всё собрано в низкий пучок, и "Девушка, освещённая солнцем" (1900-е гг.), в которой угадывается сестра художника Лизавета, и портрет чужой надменной аристократки Марии Андриевской (1911 г.) — всё-то дышит восхищением женской натурой.

Савинову открылись пути в Европу — людей посмотреть, себя показать. Тогдашняя молодёжь стремилась в Париж, а Савинов избрал Рим, Флоренцию, Неаполь. Сказалось академическое воспитание: Ренессанс нужно и должно вызубрить как "Отче наш". Художник с жадностью впитывал красоту, гармонию, солнце. "Балкон, увитый цветами, Рим" (1910 г.) — поток радости, льющийся отовсюду. "Розы" (1909 г.) — благорастворение ароматов, которое удалось передать автору. "Запах солнца? Что за вздор! / Нет, не вздор. / В солнце звуки и мечты, / Ароматы и цветы..." — писал Константин Бальмонт, а Савинов отображал эти звуки, песни солнца. "Купальщицы в апельсиновой и оливковой рошице" (1909–1911 гг.) — здесь нет реализма, это декоративное панно, повествующее о прямо-таки языческой долгие вата. Савинов с интересом погружается в местную жизнь. "Мальчик-итальянец" (1911 г.) — это простота и грация: ветка апельсинового дерева в руке, нарядный костюм. Торговцы, дети, сеньориты. Слишком яркое небо, под которым даже нищета видится живописной.

Здесь художник встретил свою любовь — не знойную итальянку, а соотечественницу Лику Цитовскую. Иконописные глаза, мягкий овал лица, ладная фигура. Приехала из Глухова, чтобы учиться на врача в Неаполитанском университете. Отныне все восторги перед белль фам сосредоточились на ней — единственной и неповторимой. Жена мастера — это и почётно, и тяжело, и волнующе. Возвышенная муза — и услуга. Савинову повезло: ему досталась мудрая половинка. В экспозиции представлен целый ряд изображений Цитовской: она то богиня на фоне природы, цветов, плодов, то — почти Мадонна Кватроченто, то — хозяйка, одетая по-домашнему, словно в перерывах между хлопотами.

ПО ВОЗВРАЩЕНИИ Савинов начинает педагогическую деятельность, он продвигается по ка-

рьерной лестнице, его высоко ценят, но и — бранят. Остроумный и хлесткий Александр Бенуа высказался в привычном для него духе: "Совершенно стоят два художника — типичных академиков новой формации — блестящие виртуозы, умелые на пять с крестом техники, но художники слишком лёгкие и поверхностные". Савинов и Бродский". (Напомним, что Исаак Бродский в 1920-х годах будет писать Владимира Ленина, тем самым задав стандарты ленинаны, что говорит о недалёковидности Бенуа.)

Александр Савинов тоже не был мотыльком. Его серьёзность подтверждается росписями храма Спасителя в Натальевке — харьковском имении того самого Харитоненко, углядевшего особый, духовный дар "легкомысленного академика". На выставке — эскизы тех росписей. Вот — панакранта, Богоматерь, сидящая на троне с младенцем Иисусом на коленях. Объединилось всё — и русская душа, и ренессансные лики, и поиски новых форм в рамках модерна. Не забывает Савинов и о пейзажах — наши малоросийские виды хороши. Пейзаж "Натальевка" (1913 г.) — это чудеса зелёной краски, точнее всех оттенков зелёного — от весёленького до умиротворённого.

Харитоненко умер в 1914 году, и его вдова заказала Савинову портрет мужа — посмертный, по фотографиям. Художник отступает от своих стилистических фантазий, и этот портрет диссонансирует со всем остальным творчеством: чёткая, скрупулёзная прорисовка деталей и каждого предмета не свойственны его обывочничеству. "Кабинет Павла Ивановича был средоточием самых разнообразных предметов: тут имелись и бронза, и майолика, и изделия из яшмы, и оружие, и картины, но, так как все эти вещи фильтровались и не только хозяином, но и компетентными его советниками, ни одна вещь сомнительного качества не проникла в этот кабинет", — перечисляла Татьяна Аксакова-Сиверс, бытописательница дворянской и купеческой Москвы. На картине всё именно так, но даже на фоне вещей не теряется их значительный хозяин.

ВОЙНЫ И РЕВОЛЮЦИИ застали Савинова в голодном и холодном Петрограде. Но то была эпоха, выраженная строками из "Интернационала": "До основанья, а затем... Мы наш, мы новый мир построим!". Александр Савинов на распутье: позади свершения, впереди — неведомые дороги. Но рассусоливать некогда. Он включается в реорганизацию Академии, становится профессором Петроградских государственных свободных художественно-учебных мастерских (аналогие московского ВХУТЕМАСа). Его стиль претерпевает небольшие изменения и становится жёстче — достаточно взглянуть на портреты Надежды Неслуховской (1923 г.) и скульптора Василия Симонова (1924 г.), чтобы это понять.

Савинов не угодил и не подмазывался к большевикам, но при всём том не пытается уйти в свою нишу. Он — общественник. Вступил в Ленинградский союз художников в 1932 году, то есть сразу после его возникновения, писал статьи, произносил речи на собраниях. Жил!

В предвоенные годы было так много солнца, что даже Ленинград казался южным городом — летом все фланжировали в белом, и лишь пионерские галстуки пламенели праздничными огоньками. Страшны безоблачные картины Питера 1938–1940-х годов! С большой вероятностью эти люди умрут или же будут хоронить отцов и детей, а то и соседей по коммуналке. "Детская площадка", "В парке культуры", "Горнист", созданные в конце 1930-х — начале 1940-х — это концентрированное счастье. В преддверии ужаса.

Александр Савинов, оставшийся в блокадном городе, продолжал трудиться. Но силы уже не те: на излёте крошечной зимы 1942 года он скончался. Но мрак его не поглотил — солнце картин невозможно скрыть. Какая долгая жизнь уместилась в этих 60 годах — свет, любовь, отцовство, путешествия, слава, работа. Почему же Савинов "потерялся" и долгие годы значился где-то в третьестепенном ряду, кажется, неясно даже крупным искусствоведам. Ирония судьбы? Впрочем, как было сказано выше, лучше, когда слава и регалии прижизненные, а потомки когда-нибудь раскапают!

Галина ИВАНКИНА

Иллюстрация: «Девушка и парус», 1906 г. Художник А.И. Савинов

БАЛЕТ И БОМБА

Бегство ЛГБТ из ГАБТ

КАКАЯ-ТО ГРИМАСА истории. Учения НАТО Steadfast Noon ("Стойкий полдень") демонстрируют России "ядерные мускулы". Киев грозит взорвать "грязную бомбу". Россия проводит ежегодные учения наземных морских и авиационных стратегических сил сдерживания, отрабатывает задачи нанесения массированного ядерного удара в ответ на ядерный удар противника. Мир на пороге глобального ядерного конфликта. В октябрь 2022 года возвращается октябрь 1962-го.

"24 октября был, пожалуй, самым напряжённым днём за всё длительное время моего пребывания на посту посла в США, — из мемуаров Анатолия Добрынина. — По всем американским телевизионным станциям показывали нам, как советский танкер (возможно, с ракетами на борту) приближался к черте, установленной американской декларацией о карантине, за которой военные корабли США собирались останавливать и задерживать наши суда, идущие на Кубу, вплоть до их обстрела. Пожалуй, вся Америка, глядя в телевизоры, считала, сколько ещё миль осталось нашему танкеру, сопровождаемому американскими эсминцами и самолётами, до роковой черты: "Пять... три... одна миля"...

Мемуары Анатолия Добрынина "Сугубо доверительно" вышли в свет в 1996-м. Приблизительно тогда же, будучи вовлечённой в художественные и информационные поля Большого театра, я обратилась к господину Чрезвычайному и Полномочному Послу с вопросом: верно ли, что в разрешение Карибского кризиса внесла свою лепту Уланова?

Дело в том, что специально или нет, но в дни кризиса Большой театр давал гастроли в США: феешенебельная публика, "сливки сливок" элиты Нью-Йорка и Вашингтона становились свидетелями хореографических грёз русского балета с Майей Плисецкой в главных партиях. Да так, что от старожиллов театра не раз мне приходилось слышать захватывающие истории о тайном приезде Роберта Кеннеди в Москву лишь для того, чтобы за драпировкой Центральной (Царской) ложи увидеть Плисецкую в "Лебедином озере". Недоговорённость в сюжетах об Улановой — одной из самых загадочных личностей XX века — интриговала, обращала к воспоминаниям. "Отрадно было наблюдать, как даже в самые острые моменты кубинских событий, — цитирую Уланову, — люди, приходящие на спектакли балета Большого театра, принимали наши представления с неизменной благожелательностью. Советский гуманизм, нашедший своё преломление и утвердившийся в таком остром искусстве, как балет, доходил до каждого человека. И каждый усваивал, пусть даже подсознательно, что народ, создавший такие тонкие духовные сокровища, безусловно, заинтересован в их сохранении и приумножении, а следовательно, заинтересован в мире... И когда, например, президент Соединённых Штатов Америки Джон Кеннеди со своей супругой появлялся на спектакле "Большого балета", а потом радушно встречает нас в Белом доме, то мы же отлично понимаем: здесь первая заслуга великой Страны Советов, а уж где-то далеко потом — "полпредов" её искусства". В 1962-м Уланова уже сошла со сцены, не танцевала, но сенсационная слава после гастролей Большого театра в Лондоне продолжала преследовать балерину, "уланомания" охватывала мир.

В ответ на мой вопрос Анатолий Добрынин, как принято говорить, не подтвердил, но и не опроверг информацию: легенды и мифы театра не подлежат верификации.

ТОЛЬКО ВОТ ТЕАТР уже стремительно, как комета, терял статус "парадного подъезда" страны, немаловажного фактора, влияющего на большую политику. Театр переставался на капиталистические рельсы, сам факт застывших на сцену артистов бродячих хореографических компаний с Запада свидетельствовал о разрыве с "проклятым прошлым" — "золо-

тым веком Григоровича", о вхождении театра в "цивилизированный мир" с его универсальными ценностями. Руководитель "Нового балета" при Ленконцерте Борис Эйфман дал на сцене, о которой ещё вчера и мечтать не мог, премьеру балета "Чайковский", в котором сверкнули зарницы будущего "Нуреева" в постановке распиленного парвеню Серебренникова. Суть, насколько я поняла: композитор влюблён в прекрасного юношу, но его преследуют жена Антонина Милюкова и меценат Надежда Филаретовна фон Мекк. Что же касается оперы, то страсти разгорелись вокруг "Детей Розенталя" Леонида Десятникова с фантазиями на тему божжеватых Верди, Вагнера, Мусоргского, Моцарта среди путан на площади трёх вокзалов. Премьера оперы "Руслан и Людмила" Глинки от Дмитрия Чернякова с голыми тётками, гонками на роликовых коньках, картиной из палаты психиатрической клиники известна как эмблема открытия — после лет десяти реконструкции и сообщений о казнокрадстве — исторического здания Большого театра. Ну а дальше — обычное дело. Каскад productions с клубничной — имитацией совкупления — продолжил держать театр и публику в рабочем тонусе. Правда, публика, поначалу застигнутая врасплох, ещё сопротивлялась. Ещё демонстративно покидала зал, с отчаяньем хлопая дверью, ещё заваливала суды искими об оскорблении личности, издевательствах над русским искусством. Куда там! Медийное освещение, в том числе ведущими государственными СМИ, гасило малейшие наёмки на недовольство. Потом и публика пришла другая. Так что ещё один обязательный номер в программе — вытаскивание на сцену существ из гей-парадов — протпатывался на ура.

СТОИТ ЗАМЕТИТЬ: Большой театр на карте российской культуры не представляет явления, выходящего из ряда вон, театр низведён до уровня филармонической площадки, вписан в проект экспансии "современного искусства". Достаточно сравнения, скажем, с Эрмитажем. Помнится, Петербург едва не задохнулся от нева, посетив выставку "Конец веселья" британских братьев Чепменов. "Это удивительная выставка — и смешная, и страшная одновременно, — из речи директора Эрмитажа. — Это настоящий выставочный проект XXI века". Выставка представляла собой инсталляцию "из девяти расставленных свастикой аквариумов, внутри которых иррегулярные нацисты и мутанты топят друг друга в крови". А чего стоила шумиха вокруг анонсированной премьеры фильма "Матильда" Алексея Учителя? Едва гражданская война не началась в стране из-за пышавшего фрика из ЛГБТ в роли русского царя Николая II. Весь этот "список кораблей" можно продолжать и продолжать.

"Но, собственно говоря, к чему экскурс в историю?" — закономерен вопрос. А к тому, что и возвращение истории учит тому, что никому не учит. Ведь кураторы, авторы и идеологи прокатившей по стране культурной "революции" — наперечёт. И решающие ими задачи — даже не секрет Полишинеля. И вот сейчас, когда мир под угрозой ядерного конфликта, не они ли поставили на паузу или дисциплинированно, как по щелчку, взяли за запреты ЛГБТ-пропаганды, призывы к борьбе с сатанизмом Западом, апатично за идеалы высокого искусства, которыми треть века стращали, как кострами инквизиции, калёным железом выжигали из мыслей и чувств?

Слов нет, лучше поздно, чем никогда. Но, согласитесь, осадочек-то остаётся. "Если тот, кто был другом, может всего за месяц стать врагом, то какую же степень реальности будут иметь понятия добра и зла", — Артур Миллер о переубаюющихся в воздухе.

Ну а если вернуться к Большому театру, то ситуация такова. Генеральный директор театра Владимир Урин как будто бы дезавуировал свою подпись, поставленную с началом специальной военной операции РФ на Украине в пацифистском письме "деятелей культуры". Главный дирижёр и музыкальный руководитель театра Туган Сохиев тогда же отбыл в сады Бореля, в страну проживания — во Францию. Одна из самых рафинированных балерин театра Ольга Смирнова тоже не осталась безучастной к "глобальной катастрофе", распрощалась с театром и Россией в апреле. Билет на новгородный балет "Щелкунчик" Чайковского — Григоровича перепродан на чёрном рынке за 130 тысяч — цена вопроса возвращения к традиционным ценностям.

Марина АЛЕКСИНСКАЯ

ОГНИ НЕ ПОГАСНУТ

Памяти Владимира Кострова

Было во Владимире Кострове и в его творчестве то неистребимое и неизъяснимое русское начало без конца, которое объединяет нашу страну, наш мир и в годы поражений, и в годы побед, которое проявляется и на войне, и в трудах, и в праздники, которое пронизывает и духовные взлёты/падения, и тончайшие движения души, и яркие чувственные восприятия, и даже сочный юмор — вплоть до навечно ушедшего "в народ":

Жизнь такова, какова она есть, и больше — никакова!

Уроженец дальней костромской деревни, он даже фамилией своей подтверждал неразрывную связь с малой родиной. Костромич Костров. Но его стихи — не только и не столько "гармошка да жалейка", "берёзки да церквушки". В них отражается вся русская история, культура и литература, причём в её, можно сказать, пушкинско-тютчевской традиции. Не случайно Владимир Андреевич многие годы являлся председателем Международного Пушкинского комитета, не случайно он был одним из главных инициаторов признания даты 6 июня, дня рождения Александра Сергеевича, Днём русского языка; не случайно его перу принадлежат замечательные переводы написанных по-французски стихов Фёдора Ивановича, не случайны постоянные "пушкинские" и "тютчевские" мотивы в его стихотворениях.

Стон последней любви
в жарульных созвучьях.
Русской белой метели сияющий храм.
Не ошибся ли
Фёдор Иванович Тютчев,
Завещавший любимую Родину нам?..
...Как направить свой путь
сквозь туман бездорожья
Там, где мера одна
только — заповедь Божья —
Не погонные метры, не общий аршин?

Что важно, образ "любимой Родины" у Кострова обладает исторической цельностью, не делится на "хорошую" и "плохую части", это настоящая любовь, для которой прошлое, настоящее и будущее сливаются в единое, поверх этих времён, действие.

Да стоят по родине кремля,
Утишая яростную ность —
Белье, как русские тела,
Красные, как пролитая кровь.

Это ведь не только про "красных" и "белых" — это о всех русских "кремлях", священных и защищённых — от врагов внешних и внутренних — пространствах нашего бытия, которые составляют историческое единство России. Это единство Владимир Костров крепил своими словами и делами. Вечная память и Царствие Небесное!

Георгий СУДОВЦЕВ

ВЫСТАВКА ЖИВОТОВА

Музейно-выставочный центр "Тушино" с 10 по 28 ноября 2022 г. представляет персональную выставку заслуженного художника России Геннадия Васильевича ЖИВОТОВА. Адрес: г. Москва, бульвар Яна Райниса, 19, к.1 (станция метро "Сходненская"). Режим работы: вторник — воскресенье — с 11:00 до 20:00, понедельник — выходной день. Вход платный, есть льготы. Тел. для справок 8 (499) 493-14-67. Сайт музейно-выставочного центра: vz-tushino.ru.